

И. М. Никольский^{ab}

ORCID: 0000-0001-6428-5357

✉ ivan.nikolsky@mail.ru

^a *Институт всеобщей истории РАН
(Россия, Москва)*

^b *Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ ДРАКОНЦИЯ И КОНФЛИКТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В ВАНДАЛЬСКОЙ АФРИКЕ

Аннотация. Речь в статье идет о трех мифологических поэмах (эпиллиях) карфагенского поэта V в. Драконция — «Похищении Елены», «Медее» и «Трагедии Ореста». В исследовательской литературе они, как правило, выделяются из корпуса прочих сочинений Драконция и рассматриваются единым блоком, так как в значительной степени повторяют друг друга и структурой, и мотивами, и сюжетикой.

Сравнение этих поэм с другими произведениями Драконция («Контroversия о статуе храброго мужа», «Искушение») приводит к заключению, что они могут рассматриваться не просто как отдельные похожие друг на друга произведения, но как своеобразная трилогия, отсылающая ко вполне определенным политическим процессам: с одной стороны, к противостоянию между римской и вандальской элитами, а с другой — к борьбе за власть внутри самой вандальской знати.

Ключевые слова: Драконций, эпиллий, Троя, Медее, поздняя античность, латинская поэзия

Для цитирования: *Никольский И. М. Мифологические поэмы Драконция и конфликт политических элит в вандальской Африке // Шаги/Steps. Т. 6. № 2. 2020. С. 102–117. DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-2-102-117.*

Статья поступила в редакцию 20 октября 2019 г.

Принято к печати 21 декабря 2019 г.

I. M. Nikolsky^{ab}

ORCID: 0000-0001-6428-5357

✉ ivan.nikolsky@mail.ru

^a *Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)*

^b *The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow)*

DRACONTIUS' MYTHOLOGICAL POEMS AND THE CONFLICT OF POLITICAL ELITES IN VANDAL AFRICA

Abstract. The paper deals with three mythological poems (*epyllia*) by the Carthaginian 5th century poet Dracontius: *De Raptu Helenae*, *Medea* and *Orestis Tragoedia*. As a rule, researchers extract them from the corpus of the other texts by Dracontius and study them as a whole, because, to a large extent, they seem similar in terms of structure, motifs and plotlines.

Comparison of these poems with another work by Dracontius (*Controversia de statua viri fortis, Satisfactio*) leads to the conclusion that they can be examined not just as separate and similar pieces of fiction, but as a kind of trilogy. They have in common the representation of the Trojan war as a conflict between absolutely 'good' and absolutely 'evil' forces, with the Trojans depicted as an object of the author's sympathy, and the Greeks, their antagonists, paradoxically appearing as an incarnation of natural barbarity.

Analysis of the terms and symbols used by Dracontius in these texts allows us to suggest links between this plot and very specific political processes: on the one hand, the confrontation between Roman and Vandal political elites, on the other — the struggle for power among the Vandal nobles themselves. Thus, the Trojans appear as the predecessors of the Romans, and the 'barbarian' Greeks as a symbolic resurgence of the Vandals.

Keywords: Dracontius, *epyllion*, Troy, Medea, Late Antiquity, Latin poetry

To cite this article: Nikolsky, I. M. (2020). Dracontius' mythological poems and the conflict of political elites in Vandal Africa. *Shagi / Steps*, 6(2), 102–117. (In Russian). DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-2-102-117.

Received October 20, 2019

Accepted December 21, 2019

Речь в статье пойдет о поэте Драконции, жившем в Карфагене в конце V — начале VI в., т. е. в то время, когда бывшие римские провинции в Северной Африке в условиях распада империи оказались под властью вандалов, перебравшихся сюда из Европы и образовавших собственное королевство¹.

Творчество этого автора, яркого представителя так называемого вандальского Ренессанса², представляет интерес как с филологической точки зрения, так и с точки зрения проблем политической истории поздней античности. В том, что Драконций, выходец из семьи сенатора, *vir clarissimus*, был интегрирован в политическую жизнь вандальского королевства, сомнений ни у кого нет — как и в том, что его произведения, по крайней мере отчасти, стали своего рода плацдармом для выражения собственной политической позиции, сформировавшейся в условиях нового, постримского мира³.

Вопрос, однако, в том, какой была эта позиция и в каких именно сочинениях Драконция ее можно усмотреть. Полученные же ответы могут быть важны не только для правильного понимания смысла его произведений, но и для оценки политических процессов, происходивших в вандальской Африке.

В настоящее время в исследовательской литературе наиболее популярна идея о коллаборации и едва ли не симбиозе прошлой, вандальской, и местной, оставшейся с прошлых времен, римской знати как об основной тенденции, определившей само существование вандальского королевства.

При этом стоящая за этой идеей аргументация, как правило, строится на анализе творчества тех самых авторов, которых принято связывать с приведенным выше понятием «вандальский Ренессанс». Особенно это касается латиноязычных и, по всей видимости, римских по происхождению авторов панегириков вандальским королям: Флорентина, Катона, Луксория. Их сочинения традиционно принято оценивать как рупор вандальской пропаганды и как прямое свидетельство римско-вандальского сотрудничества: все выглядит так, будто интеллектуалы-римляне доступными им средствами поддерживали легитимность власти варваров, подводили под нее идеологическую базу, а вандалы в ответ обеспечивали им комфортное и безбедное существование⁴.

¹ Королевство вандалов в Африке просуществовало с 439 по 534 г., пока его не завоевала Византия.

² См. о термине «вандальский Ренессанс», например: [Haas 2004; Hen 2007]. Обычно под ним имеют в виду парадоксальным (с точки зрения авторов понятия) образом сложившуюся в Африке ситуацию, при которой местная интеллектуальная, и прежде всего литературная жизнь не только не прервалась в условиях варварского нашествия, но, напротив, испытала период бурного развития и подъема.

³ Основные этапы жизненного пути Драконция прослежены во многих работах. О его биографии см., например: [Ярхо 2000: 208–210; Bright 1999: 193; Schetter 1994: 342].

⁴ Присутствие идеи о римско-вандальском симбиозе считается хорошим тоном практически для любой современной работы о вандалах, включая работы начинающих исследователей [Сісчой 2016] и даже магистерские дипломы [Parker 2018]. Из крупнейших работ последнего времени (не единственных, но наиболее масштабных по уровню охвата материала и его анализа), в основе которых лежит этот тезис, можно назвать для примера следующие: [Merrills, Miles 2009; Conant 2012; Whelan 2018].

Противоположная точка зрения, в рамках которой вандальское королевство рассматривается как *failed state*, государство, не состоявшееся как раз из-за неразрешенных (и неразрешимых) религиозных, культурных и политических противоречий между римской и вандальской элитой, считается устаревшей. Ее изредка можно встретить в относительно совре-

Говоря о политических взглядах Драконция, исследователи обычно не выделяют его из ряда подобных лоялистов. При этом приводится в пример сочинение «Искупление» («Satisfactio», далее сокращенно — *Sat.*) — стихотворное прошение о помиловании, написанное поэтом в тюрьме и адресованное инициатору его ареста, королю вандалов Гунтамунду (484–496), которое жанрово близко одновременно панегирику и скорбным элегиям (тристиям) на манер Овидия⁵.

Однако сам факт наличия в биографии Драконция такой детали, как тюремное заключение, заставляет усомниться в лояльности автора по отношению к вандальской власти — тем более что в «Искуплении» содержатся прямые указания на некие прошлые крамольные тексты как причину ареста (считается, что таковой стал панегирик некой нежелательной с точки зрения Гунтамунда персоне⁶). Анализ же остального его творчества, прежде всего ранних текстов, написанных еще до тюрьмы, способен показать, что арест мог стать не просто следствием провала в политической игре, где Драконций сделал неправильную ставку, а вполне закономерным результатом именно антивандальской позиции карфагенского — и римского по самосознанию — поэта.

В этом смысле интересно рассмотреть самое раннее произведение Драконция, идущее первым в его сборнике стихотворений, известном как «*Romulea*», посвящение Фелициану Грамматiku. Римско-вандальские взаимоотношения изображаются здесь именно как конфликт, аллегорически показанный через борьбу хищников и травоядных, причем варвары сравниваются с хищниками, и характеризуются очень неслестными эпитетами вроде *fera* и *cruenta bestia* («дикий», «кровожадный зверь»):

Orpheum vatem renarrant ut priorum litterae
cantitasse dulce carmen voce nervo pectine
inter ornos propter amnes adque montes algidos,

менных работах, но обычно обзорных (в целом по позднеантичному Средиземноморью), а не специализированных (по вандальской Африке в частности), причем ее изложению в них обычно посвящено всего несколько абзацев [Geary 1999: 121–122; Heather 1999: 248], не содержащих достаточной аргументации (которая в дискуссии со сторонниками идеи «симбиоза», бесспорно, нужна), так что на сегодняшний день статус такой позиции маргинален.

⁵ Э. Меррилл предположил, что именно Драконция наиболее оппозиционно настроенный по отношению к вандалам автор, Виктор Витенский, мог иметь в виду, говоря в своей «Истории гонений» о «предателях» римского лагеря, ставших восхвалять варваров (Vict. Vit. III.62: Nonnulli qui barbaros diligunt et eos in condemnationem vestram aliquando laudatis, discutite nomen... — «Вы, те немногие, кто любит варваров и порой восхваляет их себе в осуждение, рассмотрите [само] имя [их]...»). См.: [Merrills 2004: 153].

⁶ Сам Драконций называет эту персону *dominus ignotus*, не приводя больше никаких деталей (*Sat.* 93–94). Существуют предположения, что «крамольный» панегирик, текст которого не сохранился, мог быть посвящен тому или иному иностранному правителю (называются имена Зенона, Анастасия, Теодориха) или предыдущему вандальскому королю Хунериху (477–484), чей клан оказался неугоден «нынешней» власти. См. об этом подробнее: [Merrills 2004; González García 2012]. Идея о Хунерихе как *dominus ignotus*, авторство которой принадлежит Э. Меррилсу, была впоследствии развита им в статье [Merrills 2010], посвященной борьбе между вандальскими политическими группировками. Можно сказать, что и эта статья также находится в русле концепции о римско-вандальской «симфонии»: общий ее пафос таков, что если Драконций и должен был пострадать от вандалов, то никак не в силу своих взглядов, а лишь по причине того, что поддержал «неправильный» клан.

(quem benignus grex secutus cum cruenta bestia
 audiens melos stupebat concinente pollice:
 tunc feras reliquit ira, tunc pavor iumenta, tunc
 lenta tigris, cervus audax, mitis ursus adfuit,
 non lupum timebat agna, non leonem caprea,
 non lepus iam praeda saevo tunc molosso iugiter;
 artifex natura rerum quis negat concordiam,
 hos chelys Musea totos Orpheusque miscuit):
 sancte pater, o magister, taliter canendus es,
 qui fugatas Africanæ reddis urbi litteras,
 barbaris qui Romulidas iungis auditorio,
 cuius ordines profecto semper obstupescimus,
 quos capit dulcedo vestri, doctor, oris maxima.

Как вновь и вновь рассказывают произведения предшественников, что поэт Орфей пел нежную песнь голосом, струной и плектром меж ясеней у рек и до заснеженных гор (и следуя за ним, кроткое стадо, равно как и кровожадный зверь, слыша песнь и аккомпанирующие пальцы, цепенели, и тогда хищных оставлял гнев, а вычуженных — страх; тигрица становилась медленной, олень — храбрым, медведь размягченным; ни овечка не боялась волка, ни серна — льва, и вот и заяц уже перестал быть для свирепого молосса добычей. Созидательница природа вещей отказала им в согласии; их всех слила воедино лира Мусея и Орфей), [так и ты], святой отец, о учитель, ты столь же достоин быть воспетым, ты, который возвращаешь изгнанную из африканского града ученость, ты, который объединяешь в школе потомков Ромула с варварами⁷.

Сам Фелициан (единственная сила, способная примирить варваров с римлянами) сравнивается с Орфеем.

Один факт существования такого произведения способен сказать сразу о многих важных вещах, а именно: 1) об антивандальском настрое Драконция — во всяком случае в ранний период жизни; 2) о том, что свои политические предпочтения он мог передавать иносказательно; 3) о том, что в его аллегориях важное место занимали классические мифологические сюжеты.

Второй и третий выводы, в свою очередь, позволяют по-новому посмотреть на другие, на первый взгляд лишённые всякой политической окраски произведения Драконция, а именно на три мифологические поэмы: «Похищение Елены», «Медею» и «Трагедию Ореста», написанные уже в самый поздний, послегюремный период жизни (прошение Драконция о помиловании при Гунтамунде осталось без ответа, но следующий король, Тразамунд (496–523), освободил его из заключения). Здесь я хотел бы сосредоточиться именно на этих трех произведениях.

Уже самое беглое знакомство с текстом позволяет сказать, что они объединены общей темой. В основе сюжета каждой из поэм — прелюбодеяние и месть за него. В «Похищении» Парис уводит Елену у Менелая, и греки на-

⁷ Перевод мой. См. также: [Никольский 2018].

чинают войну против троянцев; в «Медее» Ясон уходит от главной героини к Главке, и та в ответ устраивает расправу над соперницей, своими детьми и самим Ясоном; в «Трагедии» Клитемнестру, предавшую Агамемнона, и ее любовника Эгисфа убивают Орест и Пилад. Однако интерпретация этих поэм и даже вопроса о том, каких персонажей в них считать «положительными», а каких «отрицательными», а соответственно и о том, какую мораль можно увидеть в этих произведениях, очень сложна.

В исследовательской литературе существуют самые разные мнения на этот счет⁸. Я со своей стороны уже не в первый раз предлагаю политическую интерпретацию этих поэм⁹. Основания для подобной интерпретации дает образный и терминологический ряд, который можно в них обнаружить. Так, обращают на себя внимание сравнения персонажей с хищниками, в которых вполне можно усмотреть отсылки к посвящению Фелициану. Орест из «Трагедии» и Теламон (царь Саламина, представитель греческого лагеря и соратник Менелая, обманутого мужа Елены) из «Похищения» сравниваются со львами¹⁰. Непосредственно Драконций не сопоставляет Медею с подобными суще-

⁸ Наиболее сложна в этом смысле для понимания «Трагедия Ореста». Относительно нее представлен наиболее широкий спектр мнений: от того, что «положительным» персонажем был Орест и одной из главных задач автора стало его оправдание и «очищение» [Wasyl 2011: 46], до обратного — о виновности Ореста [Privitera 2013]. Показательно, что от подобных различий не спасает даже общее для исследователей интерпретационное поле. Например, весьма популярной является идея о прохристианской и антиязыческой направленности как «Трагедии», так и других двух поэм. Одно из объяснений, лежащих в этой плоскости, состоит в том, что целью произведений Драконция стало осуждение прелюбодения и пропаганда христианского брака: соответственно, в рамках такой интерпретации Парис с Еленой, Ясон и Клитемнестра с Эгисфом оказывались однозначно отрицательными героями, в то время как действия мстителей виделись скорее оправданными [Van Zyl Smit 2010]. Другое же «христианское» объяснение предполагает обратный взгляд на персонажей: согласно ему, Драконцию было важно показать мифологический мир языческой античности исключительно в черных и беспросветных тонах, поэтому и никаких положительных героев здесь нет, все они творят злодеяния примерно одного уровня (измена, похищение, убийство мужа, убийство матери, убийство собственных детей). См. подробнее: [Bisanti 2017].

⁹ См., например: [Никольский 2019а; 2019б; Nikolsky 2020]. Ранее Б. Ванн Зил Смит высказал предположение, что «Трагедия Ореста» и «Похищение Елены» можно интерпретировать не только как религиозные, но и как политические манифесты — против узурпации: в обоих произведениях пастух (Эгисф и Парис) претендует на царский престол, и добром это не кончается [Van Zyl Smit 2010]. Поскольку мое представление о расстановке «положительных» и «отрицательных» персонажей в поэмах Драконция принципиально иное (я не считаю, что автор стремился изобразить Эгисфа и Париса «главными злодеями»), такую гипотезу я поддержать не могу, хотя идею «политического» подхода разделяю.

¹⁰ *Orestis Tragoedia* 269–270: sic duo terribiles fulva cervice leones / caede juvenearum satiati lustra reposcunt («Так [как Орест и Пилад после убийства Клитемнестры] возвращаются львы с темнорыжью гривой с охоты, / страшные, мяса скота истребленного вдоволь отведав»). Пер. В. Н. Ярхо).

Romulea 8 (= De Raptu Helenae) 350–364: Sic magna leonis / ira fremit, cum lata procul venabula cernens / venantis crispare manu iam verbera caudae / cruribus incutiens spargit per colla per armos / erecta cervice iubas, jam tenditur altus / dentibus illis et pectus grande remugit / (flumina tunc resonant, montes et lustra resultant); / ast ubi venator reiecta cuspidе sollers / sponte cadit pronusque iacet, perit ira leonis, / turpe putans, non dente suo si praeda iacebit; / temnit praedo cibos, quos non facit ipse cadaver, / ignoscens feritate pia, veniale precatus / venator si cesset iners: sic rector Achivus / frangitur et Phrygibus convivium laeta parari / per eptem iubet ipse dies («Так [как Теламон] в ярости страшной бушует / лев, различая вдали, как в руках

ствами, но учитывая, что ее сравнение с хищницами (львицей, тигрицей) было постоянным мотивом античных трагедий (например, у Еврипида и Сенеки¹¹), отсылкой можно считать заведомый выбор персонажа с такой «репутацией». С другой стороны — если рассматривать терминологический ряд — обращает на себя внимание термин *furor*, у Драконция часто отсылающий к Вергилиевым контекстам гражданской войны¹².

Если раньше я рассматривал центральные для мифологических поэм карфагенского поэта семейные конфликты как аллегорию римско-вандалского конфликта, с центральной идеей непропорциональности вандалского насилия в ответ на возможное римское политическое вероломство (или нелояльность), сейчас я хотел бы представить несколько иную версию их возможной политической интерпретации, обратив внимание на следующее обстоятельство.

Очень важным звеном, связывающим по крайней мере две из этих поэм, «Похищение Елены» и «Трагедию Ореста», является Троянская война. Если в «Похищении» описывается ее завязка, то в «Трагедии» — отдаленные по-

у охотников копыя / мерно колышутся; хвост по бедрам наносит удары, / вот поднял голову лев, и грива, рассыпавшись, кроет / плечи и шею ему; зубами скрежещет; встает он / и из груди разнеслось рычание громкое (реки / эхо ему шлют в ответ, луга и окрестные горы); / но как, отбросив копыя, охотник искусный на землю / падает быстро ничком и лежит, гнев у льва угасает / значит, добыча зубов избежала свирепых, и хищник, / ту презирает еду, что не сам для себя умертвил он, / в дикости благочестивой прощает, когда для спасенья / все неподвижно лежит охотник. Правитель ахейский / так же от гнева остыл, фригийцев на пир семидневный / сам приглашает». Пер. В. Н. Ярхо).

¹¹ Eur. *Med.* 187–189: «Как львица в муках родильных, / Так дико глядит она, если / С словами на робких устах / Приблизится к ложу рабыня» (перевод Еврипида здесь и далее — И. Ф. Анненского); 1342–1343: «Ты львица, / А не жена, и если сердце есть / У Скиллы, так она тебя добрее»; 1358–1359: Ты можешь звать меня как хочешь: львицей / Иль Скиллою Тирренской...»; 1405–1407: «Зевс, о, ты слышишь ли, / Как эта львица, / Грязная эта убийца»; Sen. *Med.* 862–865: «Все взад-вперед Медея / Шагает — так тигрица, / Детенышей лишившись, / Мечется в гангских лесах» (пер. С. А. Ошерова).

¹² Cf. *Orestis Tragoedia* 19: *dat furor arma pius, pietas dat noxia ferrum...* («ярость святая ль вручает оружие [Оресту], преступная ли святость?») — пер. В. Н. Ярхо) — и Verg. *Aen.* I.148–150: *ac veluti magno in populo cum saepe coorta est / seditio, saevitque animis ignobile vulgus, / iamque faces et saxa volant (furor arma ministrat)* («Так иногда начинается вдруг в толпе многолюдной / Бунт, и безродная чернь, ослепленная гневом, мятется. Факелы, камни летят, превращенные буйством в оружие». Перевод «Энеиды» здесь и далее — С. А. Ошерова).

Romulea 8 (= *De Raptu Helenae*) 350–361: *Sic magna leonis / ira fremit, cum lata procul venabula cernens* («Так [как Теламон] в ярости страшной бушует / лев, различая вдали, как в руках у охотников копыя». Пер. В. Н. Ярхо) — и Verg. *Aen.* I.294–296: *Furor impius intus saeva / sedens super arma et centum vincus aënis / post tergum nodis fremet horridus ore cruento* («...внутри нечестивая ярость, / Связана сотней узлов, восседая на груди оружия, / Станет страшно роптать, свирепая, с пастью кровавой...»).

Относительно второго случая необходимо пояснить, что «кровавая пасть» (*os cruens*), которой обладал *furor* братоубийственной войны у Вергилия, у Драконция была непременным атрибутом льва. Хотя в процитированном фрагменте из «Похищения Елены» это словосочетание не фигурирует, его легко можно обнаружить в других произведениях карфагенского поэта, не входящих в мифологический цикл, именно в таком контексте — что, в свою очередь, лишний раз указывает на «политизацию» этого образа. См., например, *Sat.* 137–150; *Romulea* 5 (*Controversia*; «Контroversия о статуе храброго мужа» в переводе под ред. М. Л. Гаспарова [Гаспаров 1982]) 306–311).

Эпитет *furens* также является постоянным для Медеи (*Romulea* 10 = *Medea* 181, 389, 435, 448, 457–458, 537, 563).

следствия. При этом если не симпатии, то по крайней мере сочувственное отношение автора — на стороне троянцев, греки же показаны в негативном свете. Хотя войну (в «Похищении Елены») спровоцировал Парис, эллины в лице Теламона первые отобрали у Приама Гесиону, затем отказались возвращать ее, а когда спартанский царь Менелай точно так же лишился жены, как троянский царь — сестры, ответили войной¹³.

В то же время особое внимание обращает на себя «троянский след», который можно обнаружить в «Трагедии Ореста» и который в смысле сюжета связывает ее с «Похищением». Предвестницей главного для поэмы конфликта — Ореста и Клитемнестры — становится Кассандра, представительница троянской стороны, персонаж, памятный по «Похищению». В «Трагедии» она произносит пророческий монолог, в котором говорится и о грядущем убийстве Клитемнестрой Агамемнона, и о мести Ореста¹⁴. При этом Клитемнестра в нем названа «мстью за Дарданидов» (т. е. троянцев) (*Orestis Tragoedia* 138: ultio Dardanidum), таким образом, и ее появление, и убийство Агамемнона — а также все последующие события — можно рассматривать в контексте греко-троянского противостояния. Намек на связь с этим конфликтом (и его освещением в «Похищении Елены») усматривается и в сравнении обезумевшего Ореста с обезумевшим же Аяксом Теламонидом, которому суждено было погибнуть еще в «Похищении» и который погиб, сойдя с ума и покончив с собой¹⁵.

¹³ *De Raptu Helenae* 45–52: Damnantur gentes, damnatur Graecia sollers / heu magnis viduanda viris; obatur Eous / Memnone belligero, damnatur Thessalus heros / et Telamone satus, pereunt duo fulmina belli. / Pro matris thalamo poenas dependit Achilles / (unde haec causa fuit), forsitan Telamonius Aiax / sternitur invictus, quod mater reddita non est / Hesione Priamo; sic est data causa rapinae («Осуждены племена, хитроумная Греция тоже / осуждена потерять великих мужей, и лишится / Мемнона в битве Восток; герой осужден фессалийский / и Теламонова поросль на гибель — две молнии в битве! / Кару за матери брак Ахилл понесет невиновный / (свадьба — причина всего!), и, наверно, Аякс Теламонов / непобежденным погиб, так как мать его Гесиону / не возвратили Приаму — и вот похищения причина». Пер. В. Н. Ярхо).

¹⁴ *Orestis Tragoedia* 136–151: Ipsa Clytaemestrae sacro correpta furore / longius exclamat: «Salve regina Pelasgum, / ultio Dardanidum, captae solacia Trojae, / tuque triumphalis domitor bone pastor Egiste, / plumea cui praestant post pelles stramina lectum, / quem post tecta casae regalis suscipit aula: / quid dubitatis adhuc vestros relevare timores? / Perdite, ne pereat vestri cito fructus amoris / (tempus adest et fata jubent et culpa perurget): / jam amputet eripiens victricia colla bipennis! / Vos licet et similis maneat censura polorum, / sit saltem mora longa reis, dum crescit Orestes. / Victima carnificis nati post funera patris / mater eris, tecumque ferox ferietur adulter / Pyladis fodiente manu (mihī credite) cari. / Vae miserum furor alter habet: purgandus Orestes («Вот, Клитеместру завидя, священный безумьем объята, / “Здравствуй, — кричит издали, — пеласгов могучих царица, за Дарданидов отмщение и Трой плененной отрада; / Здравствуй и ты, Эгист, добрый пастырь, вождя укротитель, / Ты, что к постели привык из шкур, мягким пухом покрытой, / Ты, что дорогу нашел в царский дом из-под кровли убогой, — / Что до сих пор не решились от страхов избавиться ваших? / Бейте, и пусть не пройдет вашей страсти любовной улада / (Время пришло, и судьбы велят, и вина понуждает), / И двулезвийный топор отсечет победительно выю! / Пусть ожидает и вас небес подобная кара, — / есть у преступников срок, куда Орест подрастает. / Мать, станешь жертвою сына, — его в палача превращает / Гибель отца, и с тобою погибнет любовник жестокий, / Пав от Пиллада руки (мне поверьте), Орестова друга. / Им же другое безумье владеет — да будет очищен!») Пер. В. Н. Ярхо.

¹⁵ *Orestis Tragoedia* 845–848: Perfurit Inachus vindex, Agamemnonis heres, / ut furit ex Baccho male sobrius ille Lycurgus, / ut furit Alcides saeva terrente Megaera, / ut quondam furuit Danaum fortissimus Ajax. («Полон безумья наследник Атрида, отмститель аргосский, — / так был безумен Ликург, опьяненный неистовым Ваххом, / так был безумен Алкид, устрешенный свирепой Мегерой, / так был когда-то безумен Аякс, храбрейший из греков». Пер. В. Н. Ярхо).

Важен вопрос изображения пространства: самые страшные преступления совершаются именно на греческой территории, там же герои сходят с ума. В этом смысле обращает на себя внимание уже не только «Трагедия», где местом действия являются Микены, но и «Медея», где действие происходит сначала в варварской Колхиде, а затем в Фивах, но варварская сущность главной героини раскрывается именно во втором месте. Этот перенос места действия¹⁶ тоже совершенно не случаен — здесь видна явная отсылка к «Фиваиде» Стация и связанной с ней традиции изображения Фив как города трагедий, преступлений, насилия и жестокости¹⁷.

С учетом регионального и хронологического контекста, в котором существовал Драконций, ничего необычного в его антиэллинской инвектике не было. Известны примеры его современников (Фульгенций) или ближайших предшественников (Клавдий Клавдиан), у которых настрой по отношению к классической Греции был весьма снобистским. Фульгенций в своих «Мифологиях» говорил, что собирается дать «истинную» трактовку греческих мифов, «очистив» их от «сказочных выдумок лживой Греции»¹⁸; Клавдиан в «Гильдоновой войне» сравнивает древних фиванцев и микенцев с дикими мавраами¹⁹. Природа снобизма этих авторов понятна — это снобизм христиан по отношению к язычникам. Но приведенные примеры важны с той точки зрения, что в эпоху Драконция изображать мифологических эллинов в виде враждебных варваров (даже не обязательно язычников) не было чем-то из ряда вон выходящим²⁰.

В то же время подобный стиль изображения эллинов парадоксальным образом связывает Драконция и с классической античной традицией, где подобное отождествление также встречалось, причем даже в произведениях самих греков. Известен пример Еврипида, у которого сразу несколько трагедий («Троянки», «Андромаха», «Гекуба»)²¹ написаны в «антиэллинском» и «протроянском» ключе.

¹⁶ Фивы в этом сюжете у Драконция заменили гораздо более привычный и знакомый по классической традиции Коринф.

¹⁷ Мотив Фив как преступного, проклятого города присутствует в «Фиваиде» с первых строк. Stat. *Theb.* 1–3: *Fraternas acies alteraque regna profanes / decertata odiis sontesque evoluerе Thebas / Pierius menti calor incidit* («Братоубийственный бой, и власти черед, оскверненный / лютою ненавистью, и Фивы преступные выведь — / в душу запала мне страсть пиерийская...» Пер. Ю. А. Шичалина). Об отсылках к этому произведению в «Медее» Драконция см., например: [Malamud 2012].

¹⁸ Fulg. *Myth.* 1. Pr.: *Certos itaque nos rerum praestolamur effectus, quo sepulto mendacis Graeciae fabuloso commento quid misticum in his sapere debeat cerebrum agnoscamus* («Я стремлюсь [обнаружить] правильное действие этих вещей, чтобы, похоронив сказочные выдумки лживой Греции, познать, какова на вкус их мистическая сердцевина»).

¹⁹ Claud. *Bell. Gild.* 286–288: *ne consanguineis certetur comminus armis, / ne, precor. haec trucibus Thebis, haec digna Mycenis; / in Mauros hoc crimen eat* («Да не восстанет отнюдь сокровенная брани стязанье, / Да не случится, молю: / злобных Фив и Микен се достойно / Маврам сей грех пусть пройдет». Пер. Р. Л. Шмаракова).

²⁰ В творчестве Драконция в этом смысле обращает на себя внимание произведение «Хвала Господу» («De Laudibus Dei»), в третьей книге которого автор, рассуждая о «правильных» и «неправильных» примерах самопожертвования, приводит героев-эллинов именно в числе вторых (см. подробнее: *De Laudibus Dei* III.250–295).

²¹ О «протроянских» трагедиях Еврипида см. подробнее: [Никольский 2014; 2016; Чепель 2010].

Но главным источником протроянской риторики Драконция, пожалуй, следует считать «Энеиду» Вергилия. Недаром в «Похищении Елены», в монологе Аполлона, пророчащего троянцам власть над всем миром «без предела» (*imperium sine fine*)²², практически дословно цитируется пророчество Юпитера из первой книги «Энеиды», где божество аналогичным образом обещает потомкам троянцев такую же власть — и победу над «аргивянами» (а также Фтией и Микенами, т. е. в перспективе над всеми греками)²³. В обещании Аполлона, особенно с учетом этой отсылки, можно усмотреть не простой обман, но сложно зашифрованную правду: пусть троянцы свою войну проиграют, но их потомки возьмут реванш.

Если Драконций действительно не просто в силу каких-то посторонних соображений, а в рамках именно такой логики идентифицирует троянцев с римлянами, то, продолжая эту политическую проекцию, вандалов уместно определить в изображении его мифологических поэм как греков. Сравнения греческих героев с хищниками (Орест, Теламон, опосредованно — Медея) связывают эллинов с варварами из посвящения Фелициану, а постоянные указания на испытываемый ими *furor* отсылают к Вергилиевой идее братоубийственной войны.

Если доводить такую проекцию до логического завершения, можно предположить, что римско-вандалский конфликт был не единственной политически важной вещью, показанной Драконцием в его мифологических поэмах. Внутренние конфликты между греческими персонажами также могут быть объяснены в подобном ключе.

Интерпретация этих конфликтов, разворачивающихся в «греческом» пространстве (по Драконцию, пространстве абсолютного зла) может быть связана с борьбой собственно уже между самими вандалскими группировками — которая действительно имела место в королевстве на протяжении практически всего времени его существования, за вычетом периода правления основателя, Гейзериха (ум. 477).

Уместно здесь вспомнить сказанное Э. Мерриллсом о борьбе между кланами Хунериха и Гунтамунда ([Merrills 2010]; см. также сноску 6). При всем

²² *De Raptu Helenae* 188–199: Effatur: «Quid virgo canit? Cur invidus alter / exclamat? Helenus deterret Pergama verbis? / Pellere pastorem patriis de sedibus unquam / fata vetant, quae magna parant. Stant iussa deorum: / magnanimum Aeacidem solus prosternet Achillem. / Trojanos regnare placet, qua solis habenae / ostendunt tolluntque diem, qua vertitur axis / frigidus et zona flammatur sole corusco. / Trojanis dabitur totus possessio mundus, / tempore nec parvo Troum regnabit origo. / Fata manent, conscripta semel sunt verba Tonantis, / “imperium sine fine” dabit. Cohibete furorem» («Что эта дева пророчит? — сказал Аполлон. — Что другой здесь / злобно вещает? Гелен устрашает речами троянцев? / Но вам изгнать пастуха из отцовского дома мешают / судьбы, готова дела великие, и непреклонна / воля богов: лишь Парис Эакида повергнет Ахилла / Царствовать будут троянцы, где дня приход возвещают, / дня возвещают уход солнца лучи, где вертится / хладная ось и небесная зона блистающим солнцем / воспламеняется. Мир будет весь под властью троянцев, / их поколеньям дано всюду царствовать долгие годы. / Воля всеильна судеб, и приговор Громовержца / высказан раз навсегда: “Их власти не будет предела” / Ваше безумье оставьте». Пер. В. Н. Ярхо).

²³ Verg. *Aen.* I.278–279: his ego nec metas rerum nec tempora pono; / imperium sine fine dedi («Я же могуществу их не кладу ни предела, ни срока, / Дам им вечную власть»); I.284–285: domus Assaraci Phthiam clarasque Mycenae / servitio premet ac victis dominabitur Argis (Род Ассарака (т. е. троянцы / их потомки. — И. Н.) тогда Микенами славными, Фтией будет владеть и в неволе держать побежденных аргивян»).

критическом отношении к его рассуждениям об этой борьбе как ключевом обстоятельстве ареста Драконция сам отмеченный им факт перманентного противостояния между разными ветвями семейства Гейзериха в борьбе за престол игнорировать невозможно. В конечном итоге именно финальный виток этого противостояния — свержение Гелимером (530–534) предпоследнего короля вандалов Хильдерика (523–530) — стал основанием для ввода византийских войск в Северную Африку, закончившегося ее отвоеванием у вандалов²⁴. Даже если усомниться, что эта внутривандальская борьба могла затронуть самого Драконция, политическую атмосферу, в которой он жил, она явно не улучшала.

* * *

Основные выводы, к которым позволяют прийти все эти наблюдения, было бы правильно разделить на две части: «филологическую» часть, касающуюся проблем интерпретации мифологических поэм Драконция и их структуры, — и связанную с ней через ту самую проблему интерпретации часть «политическую».

«Филологические» выводы таковы.

1. Мифологические поэмы Драконция объединены не только структурой, моделью развития сюжета и в некоторых случаях общими персонажами; общей для них является троянская и антиэллинская риторика.

2. Греческое пространство оказывается здесь пространством зла и, как ни парадоксально, варварства. В нем нет «положительных» героев и не может происходить «хороших» событий.

3. По всей видимости, через Троянскую войну Драконций изображал римско-вандальский конфликт, показывая римлян как троянцев, а греков — как вандалов. Через конфликты же между греческими персонажами (в «Трагедии Ореста» или «Медее») автор вполне мог изображать и вандальские междоусобицы.

«Политические» выводы следующие.

1. Несмотря на, казалось бы, аполитичный характер мифологических поэм Драконция, они являются именно политическим манифестом и в этом смысле образуют трилогию.

2. Основные политические идеи Драконция касаются взаимоотношений между вандалами и римлянами, и анализ мифологических поэм — особенно в контексте остального творчества карфагенского поэта — показывает, что эти взаимоотношения в его случае описаны именно как конфликт, а не как симбиоз. Драконций был антивандальским, а не провандальским поэтом; его откровенная риторика такого рода, известная по раннему творчеству (посвящение Фелициану), с годами не исчезла, а лишь стала более гибкой и завуалированной. Драконций не отказывался от своих взглядов, а менял только стилистику. Возможно, стать более осторожным (но не поменять позицию!) его заставило тюремное заключение.

²⁴ Прокопий Кесарийский, автор «Войны с вандалами» и свидетель сопутствующих ей событий, описывает завоевательный поход византийцев именно в контексте освобождения Африки от тирании Гелимера — и защиты законного правителя, свергнутого Хильдерика (Procop. Caes. *De Bellis*. III.9.10–12, 24–25, III.16.13–14).

Сокращения

- Claud. *Bell. Gild* = Claudii Claudiani De Bello Gildonico. Leiden: Brill, 1978.
- De laudibus Dei* = Blossius Aemilius Dracontius. De Laudibus Dei. Libri I–III // Monumenta Germaniae Historica, Auctores antiquissimi. Bd. 14. Berlin: Weidmann, 1905. S. 23–113;
- Dracontius*. Œuvres. T. 1: Louanges de Dieu, Livres I et II. Texte établi et traduit par C. Moussy et C. Camus. Paris: Les Belles Lettres, 1985. T. 2: Louanges de Dieu, Livre III. Réparation / Texte établi et traduit par C. Moussy. Paris: Les Belles Lettres, 1988. P. 7–140.
- De Raptu Helenae; Romulea 8* = Blossius Aemilius Dracontius. De Raptu Helenae / Ed. F. Vollmer // Monumenta Germaniae Historica, Auctores antiquissimi. Bd. 14. Berlin: Weidmann, 1905. S. 156–173;
- Dracontius*. Œuvres. T. 4: Poèmes profanes VI–X. Fragments / Texte établi et traduit par É. Wolff. Paris: Les Belles Lettres, 1996. P. 13–40.
- Eur. Med.* = Euripides. Medea / Ed. D. Kovacs. [Электрон. версия]. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0113>.
- Fulg. Myth.* = Fulgentius. Mythologiae / Ed. R. Helm. Leipzig: Teubner, 1898.
- Orestis Tragoedia* = Blossius Aemilius Dracontius. Orestis Tragoedia / Ed. F. Vollmer // Monumenta Germaniae Historica, Auctores antiquissimi. Bd. 14. Berlin: Weidmann, 1905. S. 197–226;
- Dracontius*. Œuvres. T. 3: La Tragédie d’Oreste. Poèmes profanes I–V / Texte établi et traduit par J. Bouquet; Intro. par J. Bouquet, É. Wolff. Paris: Les Belles Lettres, 1995. P. 87–130.
- Proc. Caes. De Bellis* = Procopius Caesariensis. De Bellis / History of Wars / Ed. by H. B. Dewing, G. Downey (with English trans.). Vol. 1–4. London, New York: Harvard Univ. Press, 1914–1928. (Loeb Classical Library).
- Romulea 5; Controversia* = Blossius Aemilius Dracontius. Controversia de statua viri fortis // Monumenta Germaniae Historica, Auctores antiquissimi. Bd. 14. Berlin: Weidmann, 1905. S. 140–148;
- Dracontius*. Œuvres. T. 3: La Tragédie d’Oreste. Poèmes profanes I–V / Texte établi et traduit par J. Bouquet; Intro. par J. Bouquet, É. Wolff. Paris: Les Belles Lettres, 1995. P. 147–160.
- Romulea 10; Medea* = Blossius Aemilius Dracontius. Medea // Monumenta Germaniae Historica, Auctores antiquissimi. Bd. 14. Berlin: Weidmann, 1905. S. 180–196;
- Dracontius*. Œuvres. T. 4: Poèmes profanes VI–X. Fragments / Texte établi et traduit par É. Wolff. Paris: Les Belles Lettres. P. 52–76.
- Sat.* = Blossius Aemilius Dracontius. Satisfactio ad Gunthamundum regem Wandalorum / Ed. F. Vollmer // Monumenta Germaniae Historica, Auctores antiquissimi. Bd. 14. Berlin: Weidmann, 1905. S. 114–131;
- Dracontius*. Œuvres. T. 2: Louanges de Dieu, Livre III. Réparation / Texte établi et traduit par C. Moussy. Paris: Les Belles Lettres, 1988. P. 141–224.
- Stat. Theb.* = Statius. Thebaid. Vol. 1–2. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 2004. (Loeb Classical Library).
- Verg. Aen.* = Vergil. Bucolics, Aeneid, and Georgics of Vergil / Ed. by J. B. Greenough. Boston: Ginn & Co, 1900.
- Vict. Vit.* = Victor Vitensis. Historia persecutionis Africanae provinciae / Ed. by M. Petschenig // Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. T. 7. Wien: Gerold, 1881. S. 1–107.

Литература

- Гаспаров 1982 — Контroversия о статуе храброго мужа / Пер. с лат. З. Морозкиной под ред. М. Л. Гаспарова // Поздняя латинская поэзия / [Сост. и вступ. ст. М. Л. Гаспарова]. М.: Худ. лит., 1982. С. 572–581.

- Никольский 2014 — *Никольский Б. М.* Политический смысл и художественная структура «Андромахи» Еврипида // Вестник древней истории. № 4 (291). 2014. С. 20–40.
- Никольский 2016 — *Никольский Б. М.* Пропаганда войны в «Троянках» Еврипида // Вестник древней истории. № 76(2). 2016. С. 286–314.
- Никольский 2018 — *Никольский И. М.* Панегирик или тонкая издевка? Как образы животных могли поменять смысл «Искупления» Блоссия Эмилия Драконция // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXII. Ч. 2. 2018. С. 967–974.
- Никольский 2019a — *Никольский И. М.* Политический дискурс в «Похищении Елены» Драконция. Исторические заметки // Диалог со временем. Вып. 67. 2019. С. 273–282.
- Никольский 2019b — *Никольский И. М.* Политический смысл «Медеи» Драконция // Вестник древней истории. № 2 (79). 2019. С. 327–334.
- Чепель 2010 — *Чепель Е. Ю.* «Греки, измыслившие варварские злодеяния»: образ варвара в «троянских» трагедиях Еврипида // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 10. С. 198–211.
- Ярхо 2000 — *Ярхо В. Н.* Античный мир на пороге Средневековья. «Трагедия Ореста» Драконция // Вестник древней истории. 2000. № 3. С. 208–221.
- Bisanti 2017 — *Bisanti A.* Responsabilità e (de)merito negli epilli di Draconzio // *Hormos. Ricerche di Storia Antica.* N. s. 9. 2017. P. 649–663.
- Bright 1999 — *Bright D. F.* The chronology of the poems of Dracontius // *Classica et Mediaevalia: Revue danoise de philologie et d'histoire.* Vol. 50. 1999. P. 193–206.
- Cichoń 2016 — *Cichoń N.* Drakoncjusz, Luksoriusz, Florentinus i Feliks: głosy wandalskiej Kartaginy. Stosunek poetów łacińskich do barbarzyńskiej władzy // *Zeszyty Naukowe Towarzystwa Doktorantów Uniwersytetu Jagellońskiego. Ser. Nauki Humanistyczne.* Nr. 12. (2016). S. 7–21.
- Conant 2012 — *Conant J.* Staying Roman: Conquest and identity in Africa and the Mediterranean, 439-700. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012.
- Geary 1999 — *Geary P.* Barbarians and ethnicity // *Late Antiquity: A guide to the postclassical world* / Ed. by G.W. Bowersock et al. Cambridge, Mass.: Belknap Press, 1999. P. 107–129.
- González García 2012 — *González García A.* Hunerico y Draconcio. La imperialización del reino vándalo y la represión de la disidencia // *Herakleion.* Núm. 5. 2012. P. 71–83.
- Hays 2004 — *Hays G.* 'Romuleis Libicisque Litteris': Fulgentius and the 'Vandal Renaissance' // *Vandals, Romans and Berbers: New perspectives on Late Antique North Africa* / Ed. by A. Merrills. Aldershot: Ashgate, 2004. P. 101–132.
- Heather 1999 — *Heather P.* The Barbarian in Late Antiquity: Image, reality and transformation // *Constructing identities in Late Antiquity* / Ed. by R. Miles. London: Routledge, 1999. P. 234–258.
- Hen 2007 — *Hen Y.* Roman Barbarians: The royal court and culture in the Early Medieval West. Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan, 2007.
- Malamud 2012 — *Malamud M.* Double, double: Two African Medeas // *Ramus: Critical Studies in Greek and Roman Literature.* Vol. 41. No. 1–2. 2012. P. 161–189.
- Merrills 2004 — *Merrills. A.* The perils of panegyric: The lost poem of Dracontius and its consequences // *Vandals, Romans and Berbers: New perspectives on Late Antique North Africa* / Ed. by A. Merrills. Aldershot: Ashgate, 2004. P. 145–162.
- Merrills 2010 — *Merrills A.* The secret of my succession: Dynasty and crisis in Vandal North Africa // *Early Medieval Europe.* Vol. 18. No. 2. 2010. P. 135–159.
- Merrills, Miles 2009 — *Merrills A., Miles R.* The Vandals. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009.
- Nikolsky 2020 — *Nikolsky I. M.* Images of animals from *Historia Naturalis* in political rhetoric of Late Antiquity: Blossius Aemilius Dracontius' lion // Шаги / Steps. Т. 6. № 1. 2019. С. 158–167.

- Parker 2018 — *Parker E.* Vandalia: Identity, policy and nation-building in Late-Antique North Africa: A thesis submitted to the Victoria University of Wellington in fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts / Victoria University of Wellington. Wellington, 2018.
- Privitera 2013 — *Privitera T.* Draconzio e il recupero dell'Oreste virgiliano // *Res publica litterarum. Studies in the Classical Tradition.* Vol. 36. 2013. P. 170–181.
- Schetter 1994 — *Schetter W.* Über Erfindung und Komposition des 'Orestes' des Dracontius. Zur spätantiken Neugestaltung eines klassischen Mythos // Willy Schetter. Kaiserzeit und Spätantike: kleine Schriften 1957–1992 / Hrsg. O. Zwierlein. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1994. S. 342–369.
- Van Zyl Smit 2010 — *Van Zyl Smit B.* The amorous queen and the country bumpkin: Clytaemestra and Egistus in Dracontius' Orestis Tragoedia // *Akroterion.* Vol. 55. 2010. P. 25–36.
- Wasyl 2011 — *Wasyl A.* Genres rediscovered: Studies in Latin miniature epic, love elegy, and epigram of the Romano-Barbaric age. Kraków: Jagiellonian Univ. Press, 2011.
- Whelan 2018 — *Whelan R.* Being Christian in Vandal Africa: The politics of orthodoxy in the post-imperial West. Oakland: Univ of California Press, 2018.

References

- Bisanti, A. (2017). Responsabilità e (de)merito negli epilli di Draconzio. *Hormos. Ricerche di Storia Antica*, 9, 649–663. (In Italian).
- Bright, D. F. (1999). The chronology of the poems of Dracontius. *Classica et Mediaevalia: Revue danoise de philologie et d'histoire*, 50, 193–206.
- Chepel, E. Iu. (2010). “Греки, измыслившие варварские злодеяния”: образ варвара в “троианских” трагедиях Еврипида [Greeks who conceived barbarian cruelties: The image of the barbarian in Euripides' “Trojan” tragedies]. *Vestnik RGGU [RSUH/RGGU Bulletin]*, Ser. *Istoriia. Filologičeskii. Kul'turologičeskii. Vostokovedenie'* [History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies], 10, 198–211. (In Russian).
- Cichoń, N. (2016). Drakoncejusz, Luksoriusz, Florentinus i Feliks: glosy wandalskiej Kartaginy. Stosunek poetów łacińskich do barbarzyńskiej władzy. *Zeszyty Naukowe Towarzystwa Doktorantów Uniwersytetu Jagellońskiego*, Ser. *Nauki Humanistyczne*, 12(1), 7–21. (In Polish).
- Conant, J. (2012). *Staying Roman: Conquest and identity in Africa and the Mediterranean, 439–700.* Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Gasparov, M. L. (Ed.) (1982). Kontrowersia o statue khrabrego muzha [Controversy about the statue of the brave man]. Z. Morozkina (Trans). In M. L. Gasparov (Ed.). *Pozdniaia latinskaia poezia* [Late Latin poetry], 572–581. Moscow: Khudozhestvennaia literatura. (In Russian).
- Geary, P. (1999). Barbarians and ethnicity. In G.W. Bowersock et al. (Eds.): *Late Antiquity. A guide to the postclassical world*, 107–129. Cambridge, Mass.: Belknap Press.
- González García, A. (2012). Hunerico y Draconcio. La imperialización del reino vándalo y la represión de la disidencia. *Herakleion*, 5, 71–83. (In Spanish).
- Hays, G. (2004). ‘Romuleis Libicisque Litteris’: Fulgentius and the ‘Vandal Renaissance’. In A. Merrills (Ed.) *Vandals, Romans and Berbers: New perspectives on Late Antique North Africa*, 101–132. Aldershot: Ashgate.
- Heather, P. (1999). The Barbarian in Late Antiquity: Image, reality and transformation. In R. Miles (Ed.). *Constructing identities in Late Antiquity*, 234–258. London: Routledge.
- Hen, Y. (2007). *Roman Barbarians: The royal court and culture in the Early Medieval West.* Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan.

- Iarkho, V. N. (2000). Antichnyi mir na poroge Srednevekov'ia. "Tragediia Oresta" Drakontsiia [Ancient world on the threshold of the Middle Ages. 'Tragedy of Orestes' by Dracontius]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 2000(3), 208–221. (In Russian).
- Malamud, M. (2012). Double, double: Two African Medeas. *Ramus: Critical Studies in Greek and Roman Literature*, 41(1–2), 161–189.
- Merrills, A. (2004). The perils of panegyric: The lost poem of Dracontius and its consequences. In A. Merrills (Ed.). *Vandals, Romans and Berbers: New perspectives on Late Antique North Africa*, 145–162. Aldershot: Ashgate.
- Merrills, A. (2010). The secret of my succession: Dynasty and crisis in Vandal North Africa. *Early Medieval Europe*, 18(2), 135–159.
- Merrills, A. Miles, R. (2009). *The Vandals*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Nikolsky, B. M. (2014). Politicheskii smysl i khudozhestvennaia struktura "Andromakhi" Evripida [Political sense and poetical structure of Euripides' 'Andromache']. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 2014(4(291)), 20–40. (In Russian).
- Nikolsky, B. M. (2016). Propaganda voyny v "Troianskakh" Evripida [War propaganda in Euripides' *Trojan Women*]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 76(2), 286–314. (In Russian).
- Nikolsky, I. M. (2018). Panegirik ili tonkaia izdevka? Kak obrazy zhitovnykh mogli pomeniat' smysl "Iskupleniia" Blossiia Emiliia Drakontsiia [Panegyric or trolling? How images of animals could change the main message of Blossius Aemilius Dracontius' *Satisfaction*]. *Indo-evropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiya — XXII* [Indo-European Linguistics and Classical Philology], [22](2), 967–974. (In Russian).
- Nikolsky, I. M. (2019a). Politicheskii diskurs v "Pokhishchenii Eleny" Drakontsiia: istoricheskoe zametki [Political discourse in Dracontius' *De Raptu Helenae*]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 67, 273–282. (In Russian).
- Nikolsky, I. M. (2019b). Politicheskii smysl "Medei" Drakontsiia [Political meaning of Dracontius' *Medea*]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 79(2), 327–334. (In Russian).
- Nikolsky, I. M. (2020). Images of animals from *Historia Naturalis* in political rhetoric of Late Antiquity: Blossius Aemilius Dracontius' lion. *Shagi/Steps*, 6(1), 158–167.
- Parker, E. (2018). *Vandalia: Identity, policy and nation-building in Late-Antique North Africa* [Unpublished Master's thesis]. Victoria University of Wellington.
- Privitera, T. (2013). Draconzio e il recupero dell'Oreste virgiliano. *Res publica litterarum. Studies in the Classical Tradition*, 36, 170–181. (In Italian).
- Schetter, W. (1994). Über Erfindung und Komposition des 'Orestes' des Dracontius. Zur spätantiken Neugegestaltung eines klassischen Mythos. In O. Zwierlein (Ed.). *Willy Schetter: Kaiserzeit und Spätantike: kleine Schriften 1957–1992*, 342–369. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. (In German).
- Van Zyl Smit, B. (2010). The amorous queen and the country bumpkin: Clytaemestra and Egeus in Dracontius' Orestis Tragoedia. *Akroterion*, 55, 25–36.
- Wasyl, A. (2011). *Genres rediscovered: Studies in Latin miniature epic, love elegy, and epigram of the Romano-Barbaric Age*. Kraków: Jagiellonian Univ. Press.
- Whelan, R. (2018). *Being Christian in Vandal Africa: The politics of orthodoxy in the post-imperial West*. Oakland: Univ. of California Press.

Информация об авторе

Иван Михайлович Никольский

*кандидат исторических наук
Центр «Восточная Европа в античном
и средневековом мире»,
Институт всеобщей истории РАН
Россия, 119334, Москва,
Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (495) 954-44-82
доцент, кафедра всеобщей истории,
Институт общественных наук,
Российская академия народного
хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва,
Пр-т Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
✉ ivan.nikolsky@mail.ru*

Information about the author

Ivan M. Nikolsky

*Cand. Sci. (History)
Researcher, Center "Eastern Europe
in the Ancient and Medieval World",
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences
Russia, 119991, Moscow,
Leninsky Prospekt, 32a
Tel.: +7 (495) 954-44-82
Assistant Professor,
Department of World History,
Institute of Social Sciences,
The Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow,
Prospekt Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
✉ ivan.nikolsky@mail.ru*